

Б.А. Куркин

Доктор юридических наук, профессор Московского государственного индустриального университета

Портреты российских ученых-юристов: Л.И. Петражицкий

Лев Иосифович Петражицкий родился 13 апреля 1867 г. в имении Коллонтаево Витебской губернии. В его биографии много темных пятен (включая эмиграцию и обстоятельства гибели). Достоверно известно лишь следующее.

Учился на медицинском факультете Киевского университета Св. Владимира, затем перешел на юридический факультет, по окончании которого продолжил обучение в Германии — в семинарии, учрежденной в Берлине с целью подготовки профессоров римского права для России. Обратил на себя внимание немецких юристов оригинальным разрешением некоторых частных вопросов догмы римского права. Участвовал в подготовке Германского гражданского уложения.

Начав свою карьеру в германских университетах — часть его работ написана по-немецки, — продолжил ее в Кракове. С 1896 г. преподавал в Киевском, с 1897 по 1917 гг. — в Петербургском университете, где с 1898 г. заведовал кафедрой энциклопедии права, а также на Высших женских («Бестужевских») курсах. В Петербургском университете возглавлял популярный студенческий научный кружок, воспитавший крупнейших русских обществоведов — П.Сорокина, Г.Гурвича, Н.Тимашева, Н.Кондратьева и других. Любопытно, что среди тех, кому он поставил на экзамене «пятерку», оказался и будущий композитор И.Ф. Стравинский.

С 1912 г. — член Польской академии.

Курс своих лекций обычно предварял такой фразой: «Вам будет трудно понимать меня, потому что я думаю по-польски, пишу на немецком, а обращаюсь к вам по-русски». По воспоминаниям студентов, говорил с польским акцентом и употреблял какие-то особенные, только ему присущие выражения. Позднее весьма преуспел в русском языке. По свидетельствам знавших и слушавших его, «он не был оратором. Но его лекции были в высшей степени интересны. Он был человек философски образованный. Он пытался вообще к праву подойти с новых философских позиций. Это было очень интересно»¹. По отзывам очевидцев, это был «худощавый блондин с весьма невыразительной наружностью».

Для многих и многих в студенческой среде стал идиолом.

На волне борьбы с «проклятым царским режимом» и под увеличительным стеклом либеральных кругов вырос в «деятеля» (по выражению той поры), в ФИГУРУ. Стал одним из основателей кадетской партии и членом ее ЦК (но, по выражению С.Витте, «благоразумным»), депутатом I Государственной Думы от Санкт-Петербурга. В Думе был главным экспертом кадетов по земельным вопросам и докладчиком по закону о земельной реформе.

10 июля 1906 г. в Выборге подписал — наряду с С. Муромцевым, Ф. Кокошкиным, П. Новгородцевым, С. Котляревским и Г. Шершеневичем — скандально известное «Выборгское воззвание», в котором, между прочим, содержались такие призывы: «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». За это Петражицкий был осужден

¹ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 69.

по ст. 129, ч. 1, п.п. 51 и 3 Уголовного уложения на три месяца тюремного заключения, которого, впрочем, не отбыл. Путь во Вторую Думу ему уже был заказан.

В период с 1906 по 1917 гг. переключается исключительно на преподавательскую деятельность, изредка выступая в печати. В своих публицистических выступлениях был крайне тенденциозен и не утруждал себя поисками истины, за что удостоился издевки В.В. Розанова.

Благодаря своим связям (среди его учеников был, в частности, А. Керенский, с которым он поддерживал тесный контакт) Петражицкий в 1917 г. назначается Временным правительством сенатором Первого департамента Сената. Как писал со скрытой иронией А. Керенский, Петражицкий «не раз навещал его и предлагал осуществить немало полезных начинаний в области законов и политики для улучшения социальных отношений. Увы, в условиях 1917 года следовать его отличным советам было едва ли возможно»².

Рухнул нелюбимый Петражицким царизм, неумолимо надвигалось крушение возлюбленной им демократии. Надо было что-то делать. С помощью другого своего ученика — Питирима Сорокина, бывшего в то время секретарем А.Керенского по проблемам науки, Петражицкому удалось в конечном счете перебраться в Варшаву.

В 1921 г. принимает гражданство воссозданной Польши и начинает преподавать в польских учебных заведениях, занимаясь преимущественно социологией. В Варшавском университете Петражицкий возглавляет кафедру социологии, на которой работает до 1931 г. Там он переиздал свои книги на польском языке.

По выражению А. Керенского, «Петражицкий был из тех поляков, которые впоследствии стали так непопулярны в Польше Пилсудского из-за своей убежденности в том, что отношения между народами России и Польши должны строиться не на политических, а на братских основах. Таких, как они, высоко ценивших русскую культуру и русские социальные идеи, в Польше не любили»³.

На новой родине Петражицкий, несмотря на свою европейскую известность, оказался гражданином второго сорта, «москалем» да к тому еще и с «претензией», чего не могли простить ему его коллеги.

Взрыв национализма, слепая ненависть ко всему русскому воспринимались им крайне болезненно, и 15 мая 1931 г. в состоянии депрессии он покончил с собой.

Рукописи Петражицкого погибли в период Второй мировой войны.

Психологическая школа права, как направление в правоведении, рассматривающее право в качестве явления психической жизни, возникла в юридической науке в начале XX в. благодаря усилиям Л. Кнаппа, А. Бирлинга, Э. Ленинга и Л.И. Петражицкого.

Теория Петражицкого оценивалась противоречиво: от крайне негативных мнений (Л. Толстой) до восторженных (А.Керенский — «коперниканский переворот в правоведении») ⁴.

Л.И. Петражицкого нередко называют автором **оригинальной** концепции права. Если предположить, что правоведение есть наука о праве как о чем-то объективно существующем и задачей ее является познание этого объективного существующего, то термин «**оригинальный**» является либо явно неуместным, либо сугубо ироническим, поскольку речь в таком случае должна идти уже не об оригинальности, а об истинности. На худой конец, правдоподобности. Так что «оригинальность» в данном случае если и комплимент, то весьма сомнительного свойства.

Научная претензия Петражицкого была воистину дерзкой: создать универсальную всеобъемлющую теорию права, то есть совершить то, чего не удавалось в истории

² <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt02.htm>

³ <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt03.htm> Горсей01

⁴ <http://stepanov01.narod.ru/library/kerensk/chapt03.htm> Горсей01

политико-правовой мысли еще никому. Однако новизна теории Петражицкого признавалась всеми. И заключалась она в психологическом подходе к феномену права.

Петражицкий долгое время работал и учился в Германии и не мог не пройти мимо работ основателя научной психологии В.Вундта и его работ в области психологии сознания. Работы Вундта можно считать одним из «источников и составных частей» концепции Петражицкого. Психология стала той базой, на основании которой можно было, по мнению русского правоведа, найти должный угол зрения на теорию права и государства.

Возникновение психологических концепций права было связано с процессом становления психологии как самостоятельной отрасли знаний. Интерес обществоведов к проблемам психологической науки заметно возрос на рубеже XIX — XX вв., когда в ней возобладали экспериментальные методы исследований и начали складываться крупные научные школы. Воспринятые социологами и юристами, идеи этих школ положили начало формированию новых направлений в общественно-политической мысли.

Первоначальное обоснование психологическая теория получила в учебном курсе Л.И. Петражицкого «Очерк философии права» (1900 г.), а в обобщенном виде была изложена в работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907—1908 гг.)⁵.

Всякая теория права предлагает свой ответ на вопрос о природе и сущности права. Теоретическое начало исследования происхождения и соответствующих этому происхождению свойств права у Петражицкого было действительно **оригинальным**. Он представил право в качестве воплощения исключительно психической деятельности индивидов. В свою очередь *психологический метод* познания был провозглашен им в качестве основополагающего метода юридической науки.

Юрист поступит ошибочно, утверждал Петражицкий, если станет отыскивать правовой феномен «где-то в пространстве над или между людьми, в «социальной среде» и т.п., между тем как этот феномен происходит у него самого, в голове, в его же психике, и только там». Интерпретация права с позиции психологии индивида, считал Петражицкий, позволяет поставить юридическую науку на почву достоверных знаний, полученных путем самонаблюдения (методом интроспекции) либо наблюдений за поступками других лиц.

Психологическая интерпретация права, по мнению Петражицкого, делает юриспруденцию подлинно научной, поскольку право существовало задолго до появления государства и законодательства.

То, что право предшествует государству — неоспоримый исторический факт. Вопрос, однако, в том, что именно порождает феномен права, является источником.

Источником же права, по убеждению теоретика, выступают эмоции человека. Свою концепцию Петражицкий называл «эмоциональной теорией», противопоставляя ее иным психологическим трактовкам права, исходившим из таких понятий, как воля или коллективные переживания в сознании индивидов.

Правовые нормы, по Петражицкому, создаются не путем согласования эмоций участников общественных отношений, а каждым индивидом в отдельности: переживания, протекающие в психике одного отдельно взятого индивида и не встречающиеся признания со стороны других, не перестают быть, по мнению петербургского теоретика, правом. На этом основании Петражицкий допускал существование правовых отношений с неодушевленными предметами, животными и т.д.

Петражицкий пытался доказать, что право есть психический фактор общественной жизни и потому оно действует изнутри, через психику, а не извне, через давление общества.

⁵ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1—2. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1909—1910.

Но такое проведение границы весьма проблематично. Спросим себя: воспитание «правового чувства» — это что? Давление «извне»? Или взаимодействие «извне» и «изнутри»? Или лишь встраивание «изнутри» в предполагаемый проект, посылаемый «извне»?

Действие же права состоит, по его мнению, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержанию от них и, во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера и искоренении других, то есть в воспитании народной психики. Первое Петражицкий называл мотивационным, или импульсивным, действием права, а второе — педагогическим действием.

Основополагающая идея Петражицкого была весьма проста: идея права коренится в индивидуальной психологии. Право представляется в качестве реализации **единственно психической деятельности индивидов**. Надо сказать, что это явный шаг (если не два, а то и три) назад в философском обосновании и понимании права от Платона до Гегеля. Ибо не ясно, откуда берется идея права в индивидуальном сознании, как она возможна вообще и что делает ее именно правовой. Надо ведь еще доказать, что правовая эмоция врожденна! Или не надо это доказывать? Но тогда мы вступаем на поле чистой аксиоматики, споры по поводу которой совершенно бессмысленны. По определению. И как разъяснил бы этот теоретик феномен «маугли», достаточно хорошо известный в Индии и во времена Петражицкого?⁶

Следует отметить, что в середине XX в. усилиями французских культурантропологов (М. Мосса, К. Леви-Стросса) и немецких философов-антропологов (А. Гелена, частично Х. Плесснера) были предприняты сходные попытки обоснования социальных институтов и права, в частности, на базе так называемого врожденного инстинкта взаимности. Таким образом, линия обоснования права через врожденные характеристики субъекта была продолжена и позднее. Без сколь-либо ощутимого успеха. Но там хотя бы присутствовал экспериментальный материал, **допускающий**, хотя и с изрядной натяжкой, подобное толкование. А у Петражицкого — лишь голословное утверждение, «фантазм».

Куда логичнее, глубже и содержательней было бы предположить, что они являются следствием коллективного сознания, всей духовной культуры, к которой принадлежит человек. Именно по этому вопросу обозначились вскоре глубокие расхождения учеников Петражицкого — П. Сорокина, Н.Тимашева, — также развивших идеи психологизма в праве, но уже в социологическом ключе как объективации неких социальных процессов. И поскольку биопсихический опыт человека, связанный с правом, носит коллективный характер, то он, по Тимашеву, подлежит уже социологическому анализу, против чего активно выступал Петражицкий.

Человеческое поведение неотделимо от формирующих и направляющих это поведение, руководящих им *эмоций*. Это бесспорно. Бесспорно и то, что право реализуется через субъективную волевою деятельность человека, а посему психологическая сторона вопроса не может оставлять теоретика права равнодушным. Но... далее начинаются проблемы. Вечные проблемы правовой науки.

Чтобы придать своему исходному постулату больше убедительности и совсем в немецком духе гелертерской педантичности и напористости Петражицкий начинает разрабатывать свой категориальный аппарат, вводя понятийные членения, с помощью которых идея психологизма начинает обрастать плотью.

Так в оборот вводится понятие «правовой эмоции». Особенность правовых эмоций, по его мнению, состоит в их двойственной природе. Они обладают так называемой *императивно-атрибутивной* природой в отличие нравственных эмоций, обладающих *императивной* природой.

⁶ Давно и хорошо известно, что похищенных животными детей так и не удавалось впоследствии хоть как-то «социализировать».

Право, по Петражицкому, это не государственные нормы (как полагают защитники правового позитивизма), не фактические правовые отношения (позиция социологической школы), не нравственная идея (в одной из версий естественно-правовой доктрины), а явление индивидуальной психики — особые эмоции, обладающие специфическими признаками. Их отличие от других эмоций Петражицкий усматривал в характере обязывания. Такие эмоции получили в концепции Петражицкого наименование **императивно-атрибутивных** в отличие от **императивных** моральных эмоций, которые, предписывая определенное поведение как обязанность, не предоставляют никому права требовать ее безусловного исполнения.

Взаимное сочетание долга и обязанности разных индивидов и образует, по Петражицкому, правовые связи, или **правоотношения**. В обиходе этих правоотношений и рождается то, что называется юристами **субъективными** правами, иными словами, **право лица есть право на долг со стороны другого лица**, только психологически основанная между ними связь.

Наличие **атрибутивной, управомочивающей** составляющей и является **сутью права**, отличающей его как специфическое явление от всех других явлений.

«Правовые обязанности, долги одних, закрепленные за другими, рассматриваемые с точки зрения актива, — писал Петражицкий, — будем называть правами. Наши права суть закрепленные за нами, принадлежащие нам, как наш актив, долги других лиц. Права и правоотношения в нашем смысле не представляют, таким образом, чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей. То же, что с точки зрения обременения пассива одной стороны называется ее правовую обязанностью, с точки зрения активной принадлежности другому называется его правом, а с нейтральной точки зрения называется правоотношением между тою и другою стороной»⁷.

Моральные эмоции являются односторонними и связанными с осознанием человеком своей обязанности, или долга. Нормы морали — это внутренние императивы. Если мы подаем из чувства долга милостыню, резонировал Петражицкий, то у нас не возникает представлений, что нищий вправе требовать какие-то деньги. Совершенно иное дело — правовые эмоции. Чувство долга (обязанности) сопровождается в них представлением о правомочиях других лиц, и наоборот. «Наше право есть не что иное, как закрепленный за нами, принадлежащий нам — как наше добро — долг другого лица»⁸.

Правда в данном случае возникает вопрос: откуда берет свое начало долг другого лица? Что лежит в основе этого «долга»?

В научной литературе — от Н.Н. Алексеева до А.В. Полякова подчеркивается, что в этой части своей теории Петражицкий осуществил фактически феноменологический анализ права, выявив его неизменную структуру как связь правомочия и обязанности⁹.

Но ведь это было известно и понятно **задолго до** Петражицкого!

Право, по Петражицкому (равно как и наука, и искусство), существует исключительно в переживаниях отдельных людей и является кристаллизованной формой индивидуально-психической деятельности.

⁷ Петражицкий Л.И. Указ. соч. Т. 1 § 3.

⁸ Там же.

⁹ См.: Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 64; Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004. С. 154.

Таким образом, оно сводилось, в сущности, к индивидуальным эмоциям как части правосознания, что существенно обедняло образ права, а сама сфера права не померно расширялась. Правовой характер приобретали правила карточной игры, правила поведения за обеденным столом, внутрисемейные отношения, нормы воровского мира («понятия» на современном жаргоне), светский этикет, договор человека с Богом («обет») и дьяволом («о продаже души»). Такое право Петражицкий квалифицировал в качестве **неофициального. Право, имеющее официальную поддержку государства** — право высшего сорта, — получало статус права **официального**. Еще одно многозначительное членение. Получалось, что существует еще и некое право «второго сорта»? И опять-таки критерием такого различия становилась государственная воля!

Помимо этого, Петражицкий выделял **интуитивное** и **позитивное право**. К первому он относил, например, право зажиточных слоев, мещанское право, крестьянское, пролетарское. Позитивные правовые эмоции осознаются обязательными в силу чужих авторитетных велений (Бога, монарха и т.д.) или в силу иных внешних авторитетно-нормативных фактов (например, обычая), чего нет в области интуитивных (автономных) нравственных и правовых убеждений.

Введение подобных понятий являлось для Петражицкого попросту необходимым, ибо как в таком случае отличить правовые нормы от моральных и иных социальных, если в основе и того и другого лежит ярко выраженная императивность? Для адептов юридического позитивизма вопрос решается просто: правовая норма — это норма, санкционированная государством. И в этом ее главное отличие от нормы морали и иных социальных норм. Но такой подход для Петражицкого — критика юридического позитивизма — «заказан», и он волей неволей вынужден различать нормы морали и права, балансируя на зыбкой почве, если не сказать, на проволоке психологических мотиваций.

Интуитивное право является регулятором человеческого поведения, приводящим к реальному исполнению прав и обязанностей без каких-либо специальных внешних средств принуждения и сформулированных норм. Это право как первичный и древнейший вид права было в истории «бессознательно удачным массовым психическим приспособлением». В нем выражалось переживание состояния «связанности» (обязанности) перед другими людьми, что позволяло приспособляться к социальному миру, сосуществовать, сотрудничать друг с другом, разрешать конфликты.

Интуитивному праву Петражицкий отводил серьезную роль в критике естественноправовых доктрин, полагая, что их содержанием должны являться не отвлеченные нравственные принципы (свободы, справедливости и т.д.), а «догматика интуитивного права», то есть «систематическое изложение автономно-правовых убеждений авторов». В противовес концепциям «возрожденного естественного права», представители которого утверждали, что естественное право — это совокупность нравственных требований к позитивному праву, Петражицкий утверждал, что интуитивное право является более подходящим масштабом для критики позитивного права, чем нравственность, ибо нравственность как совокупность чисто императивных убеждений не знает притязаний и представляет поэтому масштаб, не адекватный праву.

Государство психологической теорией также представлено как определенная совокупность эмоциональных притязаний.

Государственная и вообще общественная власть, — утверждал Петражицкий, — «есть не воля и не сила, вообще не нечто реальное, а эмоциональная проекция, эмоциональная фантазма, а именно: она означает особый вид приписываемых известным лицам прав»¹⁰.

Такой теоретический подход означал придание государству служебной по отно-

¹⁰ Петражицкий Л.И. Указ соч. Т. 2. § 12.

шению к праву функции: государственная власть, по определению Петражицкого, — служебная, а значит, зависимая от более высоко стоящих в правовой иерархии отношений и переживаний.

Этим обозначалась **логическое предшествование права государству**, а не признание факта **исторического** предшествования права государству. «Важнейшим служением общему благу со стороны государственной власти (субъектов подлежащих обязанностей и прав) является служение праву; и государственная власть есть власть служебная — прежде всего и преимущественно по отношению к правам граждан»¹¹.

С одной стороны, справедливо отмечает О.А. Омельченко, это суждение, казалось бы, однозначно включается в традицию общей конституционной философии XX столетия в связи с требованием *правового государства*. Но с другой, — все это теоретически «обесценивалось» определением сущности самого права¹², ибо сами правоотношения, права, обязанности представляют собой, по Петражицкому, «эмоциональные фантазмы, проекции, а не нечто объективно существующее».

Таким образом, **оригинальность** концепции права Петражицкого в том, что он поместил «ген» права в индивидуальную психику человека.

Какое же значение имеет теория Петражицкого для сегодняшнего дня?

Теория Петражицкого не дала сколь-либо заметного приращения знания, но лишь переформулировала при помощи созданного автором категориального аппарата известные правовые коллизии. Тем не менее Петражицкий четко уловил «нерв» правовой теории, вынужденной тем или иным образом отграничивать себя от теории морали, этики.

И еще один важный момент: теория Петражицкого, равно как и теории его современников и коллег (Муромцева, Коркунова, Шершеневича), носила ярко выраженный нерелигиозный, светский характер, претендуя, тем не менее, на полноту знания и всеохватность. Однако с ее помощью невозможно раскрыть то, что Гегель называл «тайной общества», иными словами, тайну зарождения права и государства. Тезис «Аз емь альфа и омега» был интеллектуально и психологически глубоко чужд Петражицкому и как исследователю, и как человеку. Это особенно ясно проявилось при его анализе концепций естественного права, вырождающихся в их безрелигиозных вариантах в пустое («мечтательное») моральное резонерство.

А между тем учение о праве, как отмечают В.А. и В.В. Роговы, получило глубочайшую разработку в трудах Отцов Церкви¹³, но это **ЗНАНИЕ** было знанием совершенно иного порядка и оставалось глубоко чуждым как Петражицкому, так и современному ему ведущим русским правоведам.

Таким образом, Петражицкий довольно **оригинально** переформулировал известные ему проблемы и коллизии правовой науки. Но и не более того. Несомненно, однако, что в его работах затронут ряд важнейших проблем правовой науки, в частности, критерии соответствия позитивного закона праву, роль правосознания в формировании права и ряд других, выдвижение идеи политики права.

Стоит добавить, что идеи Петражицкого были весьма своеобразным способом препарированы его последователем М. Рейснером, писавшем в годы господства на Красной Руси идей «стучкизма» о «революционном подсознании». Однако такие развороты мысли становились возможными лишь в силу чрезвычайных исторических обстоятельств — отмены в сущности всего предшествующего законодатель-

¹¹ Петражицкий Л.И. Указ. соч. Т. 2. § 13.

¹² Омельченко О.А. История политических и правовых учений. М., 2006. С. 555.

¹³ Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII вв.). М., 2006. С. 222—226.

ства Российской империи, когда опереться, кроме «революционного подсознания» становилось подчас попросту **не на что**. Но это уже из сферы жутковатых курьезов «саморазвития идеи». Но тот же М. Рейснер говорил, находясь под явным влиянием Петражицкого, и о воспитательной роли права, идее, живущей и в современной российской юриспруденции.

Последний всплеск интереса к теории Петражицкого пришелся на 50-е годы XX в., когда в США — с подачи П. Сорокина и Н. Тимашева — были опубликованы «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» и «Введение в изучение права и нравственности». Психологизм правовой теории Петражицкого был воспринят на «ура» американской юриспруденцией, буквально «помешанной» на фрейдизме. Однако использована «метóда» Петражицкого была в весьма узкой сфере — в исследованиях о психологических мотивациях судьи при вынесении им решения и процессе «переживания им ситуации».